

Вестн. Ом. ун-та. 2010. № 2. С. 148–153.

УДК 111.61

Г.М. Тарнапольская

Томский государственный университет

ЗНАЧЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ СТОРОНЫ СИМВОЛА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ОПЫТА КУЛЬТУРЫ

Символ способен указывать не только на актуальную, но и на потенциальную сторону бытия. Потенциальное бытие в символе предстает как глубина символизируемой реальности. Христианские символы указывают на сверхактуальный характер глубины реальности, а синтоистские символы – на ее потенциальный аспект. Это приводит к различию в восприятии смысла в западной и японской культурах.

Ключевые слова: массовая культура, архетип, мифологема, фэнтези.

Символическая реальность формируется благодаря действию сущности символа вовне. Это действие представляет собой выражение символа и распространяется как на окружающие вещи эмпирической действительности, так и на познающего человека. При этом сам человек также может выступать в качестве символа. В реальности общения воспринимаемый образ человека непосредственно являет его самого. В реальности космоса культуры человек может стать символом эпохи, духовной культуры. В мифологической реальности человек может воспроизводить в своей жизни определенный мифологический архетип, подражая мифическим героям. В религиозной жизни человек может выражать святость или сакральную силу. Иными словами, человек как символ может раскрываться на разных онтологических уровнях. Иначе говоря, личность проходит ряд таких этапов своего воплощения, которые порождают разные системы символов: от психогилетических до общекультурных [1, с. 161].

Символическая природа воплощения человека в эмпирическом мире позволяет выразить его психическую и духовную жизнь, религиозный опыт и приобщенность к культуре. Однако во внутренней жизни человека всегда сохраняется пласт, который остается невыразимым, и все же каким-то образом его присутствие интуитивно ощущается как нечто неопределенное. «Обнаружение присутствия не интеллектуальный акт, а первичный опыт трансперсонального переживания, и интеллектуальным актом он не может быть в силу своей неопределенности. Объективация тела в виде предмета редуцирует этот опыт...», – указывает Н.Н. Карпицкий, и на этом основании соотносит опыт присутствия с трансцендентальным предчувствием [2, с. 19].

С одной стороны, человек не выражает то, что утаено в глубине его души. Иначе говоря, его внутреннее содержание не находит своего выражения в символе. С другой – внутренняя глубина души всегда сопутствует уже имеющемуся выражению человека, так как без этого

человек не воспринимался бы как нечто живое и одухотворенное. Иначе говоря, параллельно выраженной в символах реальности ей сопутствует невыраженная внутренняя реальность. Символ может не только актуально выражать символизируемое, но и передавать ощущение присутствия невыраженного, что в эмпирическом мире остается лишь нераскрытой потенциальностью. Ощущение присутствия невыражаемого содержания указывает на скрытую глубину воспринимаемого явления. В дальнейшем будем ее называть глубиной реальности.

Внутренняя глубина человеческой души не может быть наглядно выражена хотя бы потому, что еще не достигла своей актуализации; она представляет собой лишь экзистенциальную потенцию. Однако существует и другого рода глубина реальности, которая не может быть выражена не потому, что не достигла своей актуализации, а напротив, потому что превосходит актуальность эмпирического бытия – это глубина, которая сопровождает опыт приобщения к сакральному бытию. По отношению к эмпирической реальности она тоже остается нераскрытой потенцией, но эта ее потенциальность как нераскрытость в эмпирическом мире является следствием сверхактуальности внутрибожественной жизни. Как показывает С.С. Аверинцев, прикосновение к этой сверхактуальной глубине можно было выразить только через загадку, которая становится культурным архетипом средневековой Византии: «Слова как бы уничтожаются в акте исполнения ими своей функции. Конечно, “молчание”, которого ищет Псевдо-Дионисий, не может быть осуществлено в самом тексте; оно должно быть спровоцировано в другом месте – в уме читателя. Оно не дано, а загадано в “загадочных” словах, как последняя разгадка всех загадок и последнее их осмысление» [3, с. 146].

Бытие человека не ограничивается эмпирической данностью, оно раскрывается также и в ожидании новых возможностей, которые еще не определены, и потому остаются скрытыми в сфере его внутренней жизни. Соотнесенность эмпирического мира с этими возможностями создает глубину реальности эмпирического мира, что обуславливает его динамичность и осмысленность. Глубину реально-

сти можно описать, выражаясь языком средневековой схоластики, как область «сущих в возможности» смыслов. Ощущение осмысленности бытия связано с наличием в глубине реальности смысловой способности к воплощению, которая еще не раскрылась в наличности определенных смыслов. Их проявление зависит от активности человеческого сознания, которое, раскрывая смысловую потенцию, приводит смысл к определенности либо в слове, либо в эмпирически данном образе, вещи. Понятие потенциальности можно понимать по-разному.

1. *Потенциальность как способность актуализации*, т. е. возможность действия. Она выявляется или достигает определенности в результате действия – акта. Такая потенциальность понимается как сила, мощь, способность. К этому типу потенциальности принадлежит обособленная в неоплатонической философии способность смыслового действия и воплощения в инобытии.

2. *Потенциальность как инобытие актуального* – меональность, материя в платоновском понимании. Она присутствует как способность быть оформленной или осмысленной.

3. *Потенциальность как глубина реальности*, то, что делает актуальную реальность живой, т. е. наполненной экзистенциально значимыми возможностями. Это присутствие ожидаемых, но еще непроявленных смыслов. Эти смыслы не упорядочивают саму эмпирическую жизнь (иначе они были бы проявлены), но соотносятся со скрытой от эмпирического восприятия внутренней жизнью человека.

При этом третий вид потенциальности также можно раскрыть с учетом позиции выше выделенных двух. Непроявленный характер смыслов глубины реальности может быть определен либо их сверхактуальной полнотой, которая не может быть выражена в ограниченной эмпирической форме, в этом случае речь идет о скрытой деятельной потенции, либо их еще некатализованным характером, т. е. пассивной потенциальностью, которую в неоплатонической традиции называли меональностью.

Потенциальность непроявленных смыслов не изменяет в эмпирической реальности уже сложившуюся смысловую упорядоченность, но лишь привносит в

нее новую экзистенциальную значимость. Поскольку эмпирическая реальность содержит в себе непроявленные смыслы, как свою потенцию, открывается возможность для действий человека в эмпирически не явленной сфере внутренней жизни. Эта возможность действовать указывает на нее именно как на реальность, а не иллюзию. Присутствие непроявленных смыслов дано в опыте ощущения смысловой потенциальности.

В теоретической деятельности смыслы приводятся к определенности в понятиях, категориях и терминах. В художественной практике смыслы выражаются в эмпирически воспринимаемых образах, которые формируют реальность художественного произведения, альтернативную по отношению к эмпирической реальности. В этом случае произведение искусства понимается как очищающее выявление уже имеющегося, актуального, но скрытого образа. Такой образ пребывает в сокрытии в глубине реальности, и задача художника – сделать этот образ чувственно воспринимаемым. Свойство художественного образа быть общезначимым, вызывать живой отклик у воспринимающих его людей, а не только быть значимым для художника, позволяет предположить, что образ или смысл уже актуально присутствует, но не на эмпирической стороне реальности, а на ее внутренней стороне – в глубине. На это же указывает и независимость художественного образа от своего создателя, часто отмечаемая самими авторами художественных произведений. Глубина реальности, воспринимаемая большинством людей на уровне ощущения жизни, художниками воспринимается более определенно, хотя к окончательной определенности ее содержания приводятся непосредственно деятельностью сознания художника, в силу чего возникает мнение, что образ существует в сознании художника, который и является его творцом.

В живописи художник стремится к максимальной выраженности внутреннего содержания вовне, однако в иконописи образы воспринимаются художником изначально независимыми как от его собственного сознания, так и от всей эмпирической реальности, поэтому они переносят восприятие с внешней выразительности во внутреннее онтологическое изме-

рение. Само существование иконописного образа соотносится с иной реальностью, потусторонней по отношению к эмпирической. Воплощение этого образа на любом вещном носителе эмпирического мира создает символ иного бытия.

Символическая деятельность сознания воплощается в создании символов, которые, с одной стороны, схожи с понятиями, так как направлены на осмысление уже существующей реальности, а с другой стороны, являются эмпирическими образами. И от понятий, и от художественных образов символы отличаются принципиальной неопределенностью, что составляет их специфическую внутреннюю потенциальность.

Постижение символа происходит как взаимодействие сущности символа и познавательного акта человека. Эмпирическое постижение символа есть событие этого взаимодействия, благодаря которому эмпирическая реальность преобразуется в различные формы символической реальности – реальность культуры, мифа, религиозной жизни. Однако взаимодействие сущности символа и познавательного акта человека может также происходить как в соотношении с какой-либо эмпирической вещью или образом, так и без этой соотношенности. В последнем случае за границами уже данной внешней символической реальности, т. е. реальности воплощенных в эмпирической действительности образов, выстраивается внутренняя символическая реальность, где происходит взаимодействие символизируемой сущности и познавательного акта человека без выражения новых смыслов в символических образах, постигаемых в эмпирической реальности. Благодаря этому символ обретает не только свою внешнюю, но и свою внутреннюю, эмпирически невыражаемую сторону. Иллюстрацией такого символа может служить загадка, которая, как показал С.С. Аверинцев, как культурный феномен определяет характер византийского символизма.

Внешняя символическая реальность – это реальность воплощенных образов, а внутренняя символическая реальность – это реальность невоплощенных прообразов. Например, в иконе внешняя символическая реальность предназначена быть проводником в реальность внутреннюю, поэтому иконописный образ, по выраже-

нию П.А. Флоренского, подобен окну в реальность прообраза. «Следовательно, или окно есть свет, или оно – дерево и стекло, но никогда оно не бывает просто окном. ...И икона всегда: или больше себя самое, когда она – небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе, как расписанной доской» [4, с. 44]. Поэтому для того, чтобы образ проявлялся именно как символ, требуется активность человеческого сознания. Внутренняя реальность иконы представляет собой глубинный регион бытия за пределами эмпирической реальности, соотносящийся со скрытым пластом внутренней религиозной жизни человека.

Однако религиозный опыт, в т. ч. и опыт обращения человека к высшему через иконы, динамичен, что указывает на динамичность и разнообразие содержания внутреннего измерения бытия символа. Содержательность внутренней символической реальности определяет ее глубину. Внутренняя символическая реальность может нести в себе потенциально бесконечное количество смыслов. С другой – содержание внутренней символической реальности может быть не смысловым, а потенциальным, т. е. предполагающим не сам актуальный смысл, но лишь его возможность. Таким образом, внутренняя сторона символа может указывать как невыразимую полноту содержательности, так и на потенциальность.

Любой символ раскрывается вовне, но не всякий символ раскрывает вовне всю полноту своего содержания. Как было сказано ранее, символы глубины реальности бывают двух видов. К первому виду относятся символы, указывающие на сокрытую в глубине реальности смысловую «сверхактуальность», ко второму – на сокрытую в глубине реальности потенциальность. В первом случае речь идет о действующей потенции смысла как возможности нового актуального проявления, во втором случае – о пассивной потенциальности как возможности углубления в сокрытую от эмпирического восприятия реальность. Здесь еще не предполагается наличия какого-либо сокрытого содержания, человек встречает лишь возможность сокрытого, которая лишена какой-либо деятельной потенции и фор-

мируется активностью самого человека. Первый вид символов глубины реальности воплощен в христианском культе, второй – в синтоистском, что определяет различия между европейским и японским мировосприятиями.

Направленность на проявление присутствующих в глубине реальности непроявленных смыслов приводит к возникновению ясно воспринимаемых чувственных и осмысленных в эмпирической реальности символов, которые онтологически возводят внутреннюю жизнь человека к высшей трансцендентной реальности (икона, крест, священнодействие и т. д.). Однако в синтоистском культе есть символы, которые не достигают ясности ни в чувственном восприятии, ни в осмыслении. Предельным случаем такого символа является *синтай* – «тело *ками*» – символ, принадлежащий японскому синтоистскому культу. Особенность *синтай* как символа состоит в невозможности его увидеть. *Синтай* существует как вполне эмпирическая вещь, но смотреть на нее запрещено, поэтому никто не знает, что именно за вещь представляет собой тело божества. *Синтай* – это символ, который принципиально сокрыт, будучи уже выраженным в эмпирическом мире. Иными словами, это смысл, погруженный обратно в потенциальное состояние, тем самым представляющий собой символ чистой меональности.

Таким образом, символ, указывающий на потенциальность в глубине реальности, утрачивает определенность в своем эмпирическом выражении. Поскольку этот символ возводит к потенциальности, то понимание такого символа не достигает определенности. Всякая попытка нарушить тайну непроявленного до конца символа и включить его в систему восприятия эмпирического мира привела бы к противоречию с этим восприятием, выражающемуся в чувстве бессмысленности, непонятности, абсурдности.

Символ, обращенный на потенциальную сторону глубины реальности, по природе своей не только антиномичен, как и любой другой символ, но и парадоксален. Антиномичность любого символа заключается в том, что он призван выразить принципиально невыразимое содержание, а парадоксальность потенциального символа в том, что он выражает через не-

выражение, сокрытие. Скорее всего, иным образом выразить состояние потенциальности и невозможно. С одной стороны, символ потенциальности, поскольку он является символом, должен быть эмпирической вещью или чувственным образом. С другой – эта вещь или образ должны иметь в себе такие характеристики, которые соотносились бы с чувственной и умозрительной безвидностью того, на что символ указывает. Характеристики символа потенциальности, его выразительные особенности вырабатывались в японском синтоистском культе, повлиявшем на все японское искусство. Одной из таких выразительных особенностей и является сокрытость смысловой определенности, которая на художественном уровне обусловила появление ряда средств, направленных на выражение через не-выражение.

Возьмем, например, широко распространенный в японском киноискусстве символ застывшей фигуры самурая над поверженным противником [5, с. 26–27]. С одной стороны, как смерть, так и победа несут вполне определенный смысл, однако неподвижность фигуры обозначает отсутствие развития этого смысла в эмпирической ситуации. По мере углубления понимания этой ситуации путем соотнесения с другими жизненными ситуациями смерть представляется все более нелепой и бессмысленной. С другой – символ застывшего самурая указывает на скрытые движения в душе человека, которые вылились в молниеносном движении меча, но скрылись опять, так как принципиально не могут быть реализованы в эмпирической ситуации. Скрытый смысл оказывается принципиально нераскрытым, и все смысловые отношения данного символа с прочими ситуациями утрачивают характер необходимости. С одной стороны, возникает ощущение абсолютной нелепости смерти в эмпирической ситуации, с другой – остается чувство нераскрытой смысловой потенции, которая никак не соотносится с наличествующей эмпирической ситуацией.

Символ актуальной глубины реальности и символ потенциальной глубины реальности указывают на два вида потенциальности глубины реальности – деятельную потенцию сокрытого и «пассивную» потенцию как возможность воспри-

ятия актов, формирующих новую реальность.

Понимание потенциальности как присутствия актуального, но еще непроявленного смысла предполагает, во-первых, реальность, которой эти смыслы принадлежат, во-вторых, сами смыслы, обладающие своей внутренней потенциальностью, которая понимается как способность разнообразно действовать вовне. В этом случае смысл предстает как определенный, но бесконечный и самодостаточный, а реальность, в которой существует смысл сам по себе, как трансцендентная по отношению к эмпирической реальности. Бесконечный, хотя и определенный смысл, воздействуя на эмпирическую реальность, делает ее осмысленной.

По-иному выглядит смысл при ориентации сознания на потенциальную сторону глубины реальности. Определенность смысла заключается при этом не в нем самом, а в потенциальном присутствии других смыслов. Таким образом, смысл есть скорее место в ряду других мест, и определяется своей позицией в поле всех возможных смыслов. Реальность, в которой присутствуют смыслы – это та же самая пассивная потенциальность. На основе такого понимания становится возможным описать особый способ раскрытия смысла – смысловую трансформацию. Раскрытие смысла в рациональном описании предполагает логичность и обоснованность на основе смысловой необходимости. Благодаря этому описанию может быть общезначимо. Однако в области сновидений, мифологии и искусства постоянно происходит выход за пределы смысловой необходимости, что приводит к раскрытию совершенно неожиданных и логически не выводимых смыслов. В данном случае речь идет не о логическом раскрытии смысла на основе предшествующего понимания, а о трансформации смысла, при котором понимание может быть преобразовано в нечто принципиально иное. Такая трансформация объяснима как раскрытие смысловой потенциальности, и реализуется она как проявление не обусловленного актуальным смысловым содержанием скрытого содержания внутренней глубины символа.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Сычева С. Г., Тарнапольская Г. М., Карпицкий Н. Н. Этапы символического воплощения лич-

- ности // Изв. Том. политехнич. ун-та. 2004. Т. 307. № 6. С. 157–162.
- [2] *Карпицкий Н. Н.* Присутствие и трансцендентальное предчувствие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 192 с.
- [3] *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Coda, 1997. 343 с.
- [4] *Флоренский П. А.* Иконостас: Избр. тр. по искусству. СПб. : Мифрил : Русская книга, 1993. 366 с.
- [5] *Карпицкий Н. Н., Тарнапольская Г. М.* Обращенный символизм в русском и японском мировосприятии и связанные с ним искушения // Универсалии культуры. Вып. 2. Философия – эстетика – литература: дискурс и текст: сб. науч. тр. Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2009. С. 14–28.